

БИБЛЕЙСКАЯ ТЕМАТИКА В ТВОРЧЕСТВЕ Л. АНДРЕЕВА

Хасанова Малика

студентка факультета языков

Узбекско- Финский

педагогический институт

Malikaumarovna29 gmail.com

Научный руководитель: Бендер Р. С.

Аннотация. Творчество Леонида Андреева занимает важное место в русской литературе благодаря глубокому философскому осмыслению вопросов человеческого бытия, морали и религии. Одной из ключевых тем его произведений является библейская тематика, которая проявляется в переосмыслении евангельских сюжетов, образов и мотивов.

Андреев обращается к библейским текстам, чтобы исследовать извечные вопросы добра и зла, свободы воли и ответственности человека за свои поступки. В произведениях, таких как «Иуда Искарот», «Елеазар», «Жизнь Василия Фивейского», автор предлагает новое видение традиционных христианских ценностей, порой подвергая их сомнению и критике.

Использование библейских аллюзий позволяет писателю углубить психологизм персонажей и раскрыть внутреннюю борьбу человека с самим собой. Творчество Андреева в этом аспекте не только обращается к религиозным истинам, но и задает философские вопросы, которые остаются актуальными для читателя.

Ключевые слова: библейская аллюзия, трагизм веры, психологизм, символика тьмы, чудо и сомнение, натурализм и гротеск, идея равенства с Богом, эмоциональное напряжение, символ идиота.

У Андреева тот, кто должен быть пастырем народным, становится злейшим врагом для окружающих, которые обвиняют его в служении не христианскому Богу, а нечистой силе. Василий Фивейский слышит из уст

старосты Ивана Порфирыча обвинение в смерти Семена и просьбу уйти из дома подальше от людей. Священника хотят изгнать как прокаженного, потому что он поражен заразой неверия, которая подрывает основы человеческого мироустройства, вносит в привычную жизнь людей разлад и смятение, заставляет искать правду о Боге и о людях.

Ощущение неотвратимого, страшного финала присутствует в эпизоде похорон Семена Мосягина. Действие повести приближается к своей кульминации. Душевный перелом героя предвещает природа:¹ «в них (окна) смотрело медно-красное, угрожающее небо; оно точно переглядывалось угрюмо из окна в окно и на все бросало металлические сухие отсветы». Смятение и страх были и в душах прихожан, ожидание чего-то неизвестного и оттого страшного не покидало людей в этот день. Только Василий был неизменно спокоен и чужд всем волнениям природы и людей. Для него будто не существовало ни усопшего, ни прихожан. Он весь отдался сложной внутренней работе, ожидая разрешения вопросов, которые волновали его воспаленное сознание.

По мере совершения обряда отпевания церковь окутывает тьма. Слова из Святого писания не приносят успокоения ни в природе, ни в сознании людей; внешне не ощутимая внутренняя тревога охватывает прихожан. Искусный психолог, Андреев изображает состояние ужаса, паники, которое охватывает людей при осознании ими тонкой грани, разделяющей жизнь и смерть, сущее и мистическое, ирреальное. Василий Фивейский стоит ближе всех к разрешению этих коллизий, потому что только он имел в себе дерзость задуматься над тайной мироздания.

Тьма в повести переходит из отвлеченного понятия в реальный образ, она появляется в ответ на слова из Святого писания: «позади их выползло что-то чугунно-серое, лохматое, взглянуло на церковь мертвыми глазами и поползло выше, к кресту». Василий Фивейский тоже почувствовал тьму, но не понял ее, он подумал, что наступило зимнее раннее утро, одно из тех, когда он молился в

---

¹ Андреев Л. Письма о театре // Шиповник. 1914. №22. С. 232. Цит. По: Дымшиц А. Пьесы Андреева, 1983.

одинокости. В этот момент в сознании о.Василия как будто всколыхнулись мысли и чувства, им овладело ощущение страшной пустоты и смерти. Но неожиданно на смену этим чувствам пришли новые; ощущение радости при разгадке великой тайны бытия.

Ощувив в себе божественную силу и волю, Василий Фивейский «хохочет беззвучно и грозно», наводя своим поведением ужас на окружающих людей. Но это смех не безумного человека; священник находится в возбужденном состоянии, его воспаленное сознание только что нашло выход из, казалось бы, непроходимого мрака загадок и тайн человеческого бытия. Смех Фивейского – это смех над жизнью и смертью, он символизирует перерождение главного героя, новый этап борьбы. Василий примет Бога и христианскую веру только при условии, если он будет наравне с Всевышним. Чтобы проверить силу своей веры, священник решается на поступок, который приводит в ужас всех людей и заставляет их бежать из церкви, как из преддверия ада. «В паническом страхе люди бросились к дверям и превратились в стадо: они цеплялись друг за друга, угрожали оскаленными зубами, душили и рычали».¹ Василий Фивейский, задумав воскресить усопшего, продолжает повторять страшные просьбы, обращенные к разлагающемуся телу: «Тебе говорю, встань!»

Попытка оживления Фивейским умершего человека – это аллюзия на библейское писание, где Иисус Христос совершает чудо воскрешения. Но отождествление себя с Богом не приносит умиротворения душе о.Василия, не открывает перед ним тайны мироздания до конца.

Эпизод «воскрешения» написан Л. Андреевым с натуралистической достоверностью.² Через мелкие, порой ужасающие детали, в Андреевских произведениях воссоздается неповторимый мир, полный мистики, страха и гротеска, где человеческая личность стоит одна перед лицом Вселенной. Василий Фивейский, желая совершить чудо, подобное божественному, отрешается от окружающего мира, всем своим существом отдаваясь идее

² Андреев Л.Н. Собрание сочинений. В 6-ти тт. М.: Художественная литература, 1994.

воскрешения. Он уже будто бы слышит звуки в гробу, шаги на улице, воспаленное сознание Василия жаждет совершения чуда, но оно не происходит. Исвященник начинает возвращаться в реальность, безумная идея воскрешения оставляет его мысли, он начинает чувствовать окружающий мир. Фивейский видит перед собой гроб с телом, понимает, что все люди разбежались в страхе и ужасе от него. И в этот момент он вспоминает идиота как неудавшуюся попытку воскрешения, как обман неба, насмешку над собой Всевышнего.

Сознание Василия как будто бы пробуждается от мучительного, изматывающего сна, в котором идеал веры и служение всевышнему были превыше всего. Но Фивейский не принимает Бога как абсолютное, вечное начало, не требующее никаких доказательств. Для него Бог, или то, что он понимает под этим образом, существует только тогда, когда есть доказательства. Поэтому о.Василий ставит себя наравне с Богом, дабы проверить силу всевышнего, его участие в жизни людей. Без доказательств идея Бога для Фивейского бессмысленна, потому что она бездейственна для человека.

В финале повести звучит вызов Фивейского небу, в котором он отрекается от веры, но в то же время он открыто просит всевышнего явиться ему воочию, чтобы удостовериться в существовании царя небесного, в том, что жизнь прожита не зря. «Так зачем же я верил? Так зачем же ты дал мне любовь к людям и жалость – чтобы посмеяться надо мною? Так зачем же всю жизнь мою ты держал меня в плену, в рабстве, в оковах? Ни мысли свободной! Ни чувства! Ни вдоха! Все одним тобою, все для тебя. Один ты! Ну, явись же – я жду!». 2

Василий Фивейский снова и снова обращается с настойчивыми просьбами то к небу, то к умершему. Л.Андреев изображает своего героя в момент тяжелого эмоционального напряжения: сознание священника полностью поглощено идеей веры, реальность перестает существовать для него; подсознательное стремление к истине владеет волей, разумом и всем существом Фивейского.

Внезапно Василий видит вместо тела Семёна смеющегося идиота, «слияние вечной жизни и вечной смерти».³ Желание воскресить умершего сына в новорожденном ребенке породило на свет лишь подобие человека, лишенного разума и воли. Когда Фивейский опять желает воскресить человека из мертвых, он видит вместо чуда смеющегося идиота, который является символом бессилия самого о.Василия.

Сознание Василия Фивейского не выдерживает такого напряжения, он бежит из церкви прочь, бьёт пытавшегося его удержать псаломщика. Небо для священника кажется охваченным огнем - «в самых своих основах рушится мир». Василий бежит на окраину села, находясь в состоянии сильного эмоционального напряжения, для него не существует ни чувства времени, ни ощущения пространства, его сознание теряет последнюю связующую нить с реальным миром, оно обращено в самую глубину души, где все рушится и где не осталось ни надежды, ни мысли, ни воли.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев Л. Письма о театре Шиповник. 1914. №22. С. 232. Цит. По: Дымшиц А. Пьесы Андреева, 1983.
2. Андреев Л.Н. Собрание сочинений. В 6-ти тт. М.: Художественная литература, 1994.
3. Анненский И.Ф. Иуда, новый символ. М.: Наука, 1979.
4. Бердяев Н. Самопознание. Опыт философской биографии. М., 1991.
5. Богданов А.В. Между стеной и бездной Андреев Л. Избранное. М., 1988. С. 3-18.
6. Бродский М.А. Последний аргумент Иуды Русская словесность. 2001. № 5. С.23-30.

---

³ Анненский И.Ф. Иуда, новый символ. М.: Наука, 1979.